

УДК 82 – 822:801 – 8:130.2

211

В. В. ХОРОНЖАЯ
(г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ И ВЫДЕЛЕНИИ “МИНСКОГО СВЕРХТЕКСТА”

Актуальность заявленной темы обусловлена возрастающим интересом к изучению городских текстов и введением в литературоведческую терминологию понятие “сверхтекст”. В данной статье рассматриваются такие категории, как “городской текст”, “локальный сверхтекст”, на основе которых высказывается гипотеза о существовании “минского сверхтекста”. Также исследуется степень разработки данного понятия в отечественном литературоведении и высказываются предположения путей исследования заявленного вопроса.

В последние десятилетия в науке возрос интерес к изучению городских текстов, подтверждением чему служит ряд изданных публикаций, монографий и защищенных диссертаций, посвященных исследованию Московского текста, Петербургского текста, Венецианского текста, Крымского текста, Пермского текста, Лондонского текста русской литературы, Пражского текста чешской литературы и т. д. Данные работы, безусловно, представляют большой интерес, поскольку глубоко и разносторонне раскрывают специфику локальных городских текстов как в литературоведческом, так и в социокультурном аспекте. Все вышеперечисленные локальные тексты представляют собой разновидности общего для них концепта – городского текста. Подчеркнем, что хотя словосочетание “городской текст” является ключевым во всех названных работах, его смысл предстает довольно размытым. Тем не менее, такой солидный массив исследовательских работ о городских текстах послужил толчком к актуализации в науке ряда вопросов, остающихся и сегодня открытыми, о том, что такое городской текст, существуют ли некие общие смысловые параметры, позволяющие характеризовать его как литературоведческий термин, каковы эти параметры.

Обращение к проблеме городского текста в художественной литературе диктует необходимость истолкования ключевых понятий, с ней связанных. Сложность и многозначность этих понятий трудно поддается описанию. “Что такое город? Строгие линии проспектов и уютные переулки, гигантские предприятия и тенистые парки, одетые гранитом набережные и старые дворы! Никогда не утихающий шум транспорта и гулкие шаги одинокого прохожего. Светящиеся окна жилых домов и беспокойные огни рекламы. Сознание своей причастности к истории и щемящее чувство одиночества в толпе. Огромный, подавляющий и вдохновляющий своим многообразием мир, в котором мы живем. И в то же время уютный дом, который дает надежное убежище. И все это – город” [1, с. 4].

Изучение сущности урбанизма, его социально-экономических, политических и культурологических характеристик, рассмотрение этапов развития городов как одного из факторов становления западноевропейской цивилизации в целом, а также анализ функций урбанизма в искусстве – вот спектр вопросов, которые помогут приблизиться к постижению феномена города. Очевидно, что уже это обуславливает необходимость определения исследовательской стратегии, выходящей за пределы филологии. Очевидно и то, что в феномен города должен быть рассмотрен в корреляции с феноменом текста.

Одно из наиболее известных определений, релевантных для описания городского текста, принадлежит отечественному филологу Б. А. Успенскому, наряду с Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым представляющему тартуско-московскую семиотическую школу. Для него текст – это “семантически организованная последовательность знаков” [2, с. 16]. А знаками в том случае, когда мы говорим о тексте города, вслед за В. Н. Топоровым мы называем личностно-биографические, историко-культурные, топографические, топонимические, ландшафтные, климатические и другие урбанистические реалии, которые детерминируют процесс порождения художественных образов в произведениях.

В последние десятилетия в литературоведении проявляется особый интерес к такому понятию как “сверхтекст”, поэтому ведется активная работа, связанная с выявлением природы этого понятия, его структуры и классификаций. Н. А. Купина и Г. В. Битенская одними из первых дали определение сверхтексту как “совокупности высказываний, текстов, ограниченных темпорально и локально, объединенных содержательно и ситуативно, характеризующиеся цельной и модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального” [3, с. 215].

Расширяет и дополняет концепцию “сверхтекста” Н. Е. Меднис, а такое качество как темпоральная и локальная ограниченность подвергает критике, указывая на свойство незамкнутости сверхтекста. Сверхтекст, по определению Н. Е. Меднис, “представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью” [4].

Таким образом, сверхтекст представляет собой единую систему текстов, разнообразных по многим параметрам, но связанных воедино единой модальной установкой и языковой цельностью, каждый из которых органично вписывается в канву сверхтекстового поля.

Как было отмечено, сегодня изучение локальных текстов русской литературы превращается в быстро развивающееся направление в литературоведении. На сегодняшний день выделены и описаны такие локальные сверхтексты русской литературы как петербургский (В. Н. Топоров, Н. Е. Меднис, О. С. Горелов), пермский (В. В. Абашев) венецианский (Н. Е. Меднис), парижский (А. М. Марченко), крымский (В. В. Курьянова), представленные монографиями и диссертациями ученых. В некоторых статьях сделаны попытки выявить калининградский (Л. М. Гаврилина), элизийский (Е. А. Четвертных), северный (Е. Ш. Галимова) сверхтексты. В украинской литературе – монографии, посвященные львовскому (С. Н. Андрусив) и волынскому (Л. К. Оляндер) сверхтекстам.

Таким образом, с расширением поэтической географии литературы, с ростом стремления определить свое место в пространстве растет количество произведений, ориентированных на воссоздание определенных городских локусов. Следуя общей тенденции, отечественные литературоведы предпринимают попытки выделения “минского сверхтекста”, основываясь на работах белорусских писателей, воссоздающих образ города Минска. При этом возникает ряд вопросов: можно ли предположить, что город Минск способен породить свой сверхтекст? Можно ли думать, что образ города (суммарный образ, созданный в произведениях писателей различных эпох) может обладать чертами текста?

Для сложения сверхтекста нужны какие-то особые условия. Вероятно, можно говорить об объективных и субъективных, необходимых и достаточных факторах сложения сверхтекста. Объективные факторы связаны с особенностями самого фундамента текста. Яркая самобытность, неповторимая индивидуальность, культурная значимость локуса переживаются, осмысливаются, могут запечатлеваться в мифах, складывается языковая общность. Так формируются условия для возникновения “монолитности максимальной смысловой установки” [5, с. 27], нужной для появления сверхтекста. Многие исследователи в поисках первоисточника сверхтекста обращают внимание на миф. “Обобщение накопленных в исследованиях последних лет материалов позволяет заметить, что локальный текст тяготеет к мифу как некой архетипической целостности” [6, с. 78]. Действительно, ничто лучше мифа не может сформулировать для массового сознания некое цельное знание-чувствование, облечь его в яркую и доступную для восприятия форму. Справедливости ради нужно отметить, что никто из исследователей не настаивает на исключительной роли мифа в данном процессе, в отличие от такого критерия, как языковая общность, вне которой сложение сверхтекста невозможно. В случае отсутствия объективных факторов сверхтекст не складывается.

На сегодняшний день белорусское литературоведение не в состоянии решить проблему выделения минского текста, что связано с конкретными сложностями. Заявление, что столица Беларуси образует собственный сверхтекст, требует не только исследования

огромного пласта разнокачественного художественного материала, но и глубокого анализа вышеприведенных объективных и субъективных факторов, попыток изучения привязанного к локусу мифа, осмысление архетипов и т. д. Прodelать такую масштабную работу белорусским исследователям пока не удалось.

Анализируя понятие петербургского текста, В. Н. Топоров выявил его сущностные характеристики, главной среди которых он называет единство и семантическую связность. Текст создается множеством авторов, но при этом у него есть ядро, “которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику”. Источник единства заключается не в общем для авторов объекте описания, но в “монолитности максимальной смысловой установки (идеи)”. Именно она определяет принцип отбора “субстратных” элементов, а также единство “локально-петербургского словаря”. Она же лежит в основе “сверхсемантической” петербургского текста, “смыслы которого (или, точнее, смысл) превышают эмпирически возможное в самом городе и больше суммы этого “эмпирического” [7, с. 279]. Эта характеристика петербургского текста последователями Топорова стала рассматриваться как признак, определяющий сверхтекст как таковой. Поэтому важно отметить, что исследователи комплекса потенциально возможного «минского сверхтекста» должны рассматривать продукты словесности белорусских авторов как монолитное множество тематически родственных текстов с установкой на художественное постижение образа Минска, а не как разрозненные тексты с общим пространственным объектом – городом Минском.

Город Минск, имея долгую и богатую историю, на протяжении десятилетий не подвергается литературоведческому обсуждению и анализу с точки зрения воплощения идеи “городского текста”. Конкретных исследований в современном белорусском литературоведении на сегодняшний день не существует. Вопрос о существовании минского текста ограничивается несколькими отдельными статьями, рассматривающими данное понятие с точки зрения общекультурологических позиций, имеющих весьма слабые связи с литературоведческими положениями относительно локальных сверхтекстов как разновидностях городского текста. Однако накопленный материал представляется возможным осмыслить в системе современных понятий и методологий гуманитарных наук. Необходимо разместить многообразные факторы ландшафта, истории, культуры и социальной жизни Минска в таком теоретическом поле, где бы они обнаружили свои связи и смысл. Ориентиры для поиска адекватного инструментария достаточно очевидны. Гуманитарная традиция в работах Ю. Лотмана, Б. Успенского и В. Топорова о семиосфере, семиотике истории и пространства, о Петербурге и петербургском тексте как феномене русской культуры уже имеет результативный и богатый опыт анализа и интерпретации таких иерархически сложных явлений культуры, каким является город. Работы упомянутых исследователей продемонстрировали богатые возможности культурно-семиотического подхода к действительности. Семиотический взгляд на вещи открывает неявные смысловые связи, взаимодействие, группировку и смыслопорождающую работу фактов, ведь в процессе семиотического анализа самые разнородные факты реальности получают единый знаковый статус и, включаясь в систему культурных коммуникаций, приобретают новый объединяющий их способ существования в виде текстов.

Поэтому с высокой долей вероятности можно утверждать, что существующие методы исследования городских текстов адекватны и для изучения потенциального “минского сверхтекста”. Эти методы опираются на концептуальные семиотические представления о городе как феномене культуры и исходят из того, что “город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город-идея преобразовывает, преображает среду обитания специфическими средствами (архитектура, планировка и др. функционально-эстетические способы градостроительства). Город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В

итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений”.

Минск – официальный главный город страны воплощает государство и рассматривается как идеальная, строго организованная модель, расположенная в центре. Город входит в семиосферу белорусской культуры, являясь ее топосом, административно-политическим, экономическим и культурным центром государства, что отражено в формировании архитектурного образа города. Столичный статус предъявляет особые требования к городу как символу страны.

В формирующемся комплексе текстов с централизованной идеей Минска (открытый вопрос – правомерно ли называть подобный комплексом “сверхтекстом”) белорусские литературоведы обращают внимание на явные противоречия. С одной стороны – это текст, претендующий на “столичность” со своими пространственно-временными координатами, культурными традициями, ценностями и нормами; с другой – данный комплекс демонстрирует характерные особенности провинциального текста с устойчивыми маркерами провинциализма, разработка которых началась еще в 19 веке. Точно определить, с чем связано такое несоответствие, представляется невозможным в силу отсутствия конкретных теоретических разработок по данному вопросу. Существующие гипотезы о таком своеобразном воплощении текста, позиционирующего себя как “столичный”, опираются, как правило, на философско-культурологические труды по темам ментальности белорусов и редко переносят свои рассуждения в область художественной литературы. Поэтому для понимания функционирования “столичного текста” в пространстве белорусской литературы (в данный момент – термин условный) необходимо предпринять попытку детального разбора психологии столичного жителя – с учетом истории государства и сложившейся социокультурной обстановки в стране – для дальнейшего анализа влияния истинного самосознания на художественную реальность.

Таким образом, проблема существования минского сверхтекста остается открытой, и уже назрела необходимость описания и анализа этого явления в литературоведческой науке, что станет новым витком развития исследований подобного рода. Попытка выделения минского сверхтекста как локального текста белорусской литературы позволит приблизиться к природе и особенностям образований, формирующимся вокруг Минска.

Список литературы

- 1 Гунтов, А. Э., Глазычев, В. Л. Мир архитектуры: Лицо города / А. Э. Гунтов, В. Л. Глазычев. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
- 2 Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 348 с.
- 3 Купина, Н. А., Битенская, Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек – Текст – Культура : коллективная монография. – Екатеринбург, 1994. – С. 214 – 233.
- 4 Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] / Н. Е. Меднис. – URL:<http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> . Дата доступа: 08.10.2016
- 5 Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. – СПб. : Искусство, 2003. – 614 с.
- 6 Люсый, А. П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность / А. П. Люсый. – М. : Русский импульс, 2007. – 240 с.
- 7 Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М. : Прогресс; Культура, 1995. – С. 259–367.